

"AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!"

Умирать становилось все труднее, - вздохнул Сайлас. Ему потребовалось почти четыре часа жестокого ожидания, чтобы убить себя, и вся боль, которую это повлекло за собой. Он так мучился от этого, что после возрождения смог лишь вернуться в свою комнату и рухнуть. Он чувствовал себя пустым, как стакан воды, оставленный слишком долго на солнце.

Открыв бутылку вина, он налил себе стакан и выпил, глоток за глотком, но это мало что дало. Он уже оцепенел, словно вечно пьяный. Воспоминания носились, как листья на ветру, в голове был поток столкновений. Насильно отряхнувшись, он постепенно, в течение дня, пришел в себя и снова начал тренироваться.

Теперь это была просто оптика времени - он почти не думал об этом, делая все на инстинктах. Его тело подсказывало ему, когда он закончил. В этот раз ему потребовалось рекордные 13 дней, чтобы вернуться на свой легендарный пик. Как и в большинстве случаев, Аша не приезжала к нему на все это время. Обычно она держалась в стороне в течение нескольких недель после возрождения, отчасти потому, что ей нужно было наверстать упущенное, в отличие от него, а отчасти потому, что она, похоже, поняла, что лучше не беспокоить его так быстро после смерти.

На 16 день, когда он молча завтракал с Райной и Валеном, он увидел ее, выглядывающую из углового окна. В эти дни лишь немногие вещи могли оживить его кровь, и она была одной из них. Даже спустя столько времени, столько лет, каждый раз, когда он возвращался, и каждый раз, когда он видел ее в "первый раз", в некотором смысле, это действительно было похоже на то, что он видит ее в первый раз. Ее белоснежные волосы и глаза, которые до сих пор оставались непревзойденными, обрамляли лицо, ставшее для него якорем, как вверху, так и внизу.

Он махнул рукой вперед, заставив Райну и Валена растерянно оглянуться. Она вышла из

занесенного снегом замка в огненно-красном платье, сменив привычный белый цвет. Вален повернулся вперед и странно посмотрел на него, слабая ухмылка сбежала с губ принца.

"Это Абабабаба", - хмыкнул Сайлас. "Она ведьма вуду, которая предсказала, что я умру в 44 день 44 года моего 44 дня рождения". Она легонько шлепнула его по голове, усаживаясь, а Райна и Вален захихикали.

"Кого ты называешь ведьмой?" - спросила она, бесцеремонно присоединяясь к трапезе и наливая себе чашку молока. "Последнее - туманно. Не хочешь рассказать поподробнее?"

"Было довольно жестоко", - ответил он. "Нежные глаза забывают".

"Как очаровательно. Когда мы уезжаем?"

"Через пару дней".

"Ты уезжаешь? Куда?" вмешался Вален.

"Просто некоторые предостережения", - ответил Сайлас. "Почему? Ты собираешься скучать по мне?"

"Ты меня беспокоишь", - улыбнулся в ответ Вален. "Обещаешь мне, что не будешь лезть на рожон?"

"Ничего не поделаешь, мой дорогой принц. Неприятности, похоже, находят меня, как жуки находят свои валики с навозом".

"У тебя странная мания сравнивать вещи с дерьмом", - окликнула его Аша. "Нам нужно поговорить об этом?"

"Нет, не в ближайшее время", - ответил он.

"Как скажешь".

Три дня пролетели быстро, и двое пробрались на улицу посреди ночи, в то время как туман продолжал спускаться. Это было странное зрелище - жуткое даже для человеческого глаза. Пара людей, бредущих через занесенные снегом земли, одетых лишь в повседневное платье и брюки. Ни курток, ни сапог, ни шалей, ни шарфов, ни перчаток. Нет даже рюкзака для припасов.

И все же двое шли непринужденно, словно совершая романтическую прогулку по весеннему цветущему парку. Они молчали до глубокой ночи, следуя по знакомой тропинке на север сквозь жуткие и безлюдные деревья.

"Мы действительно сделаем это, да?" - спросила она на рассвете, когда слабые проблески солнца едва пробивались сквозь слои пепельных облаков.

"Конечно, почему бы и нет?" - ответил он, глядя на нее с улыбкой. "Тебе страшно? Если да, то можешь вернуться".

"И оставить тебя без твоего любимого вина? У меня есть сердце!"

"Ты слишком много беспокоишься", - сказал он. "Со мной все будет в порядке".

"... будет?" - спросила она более серьезным тоном. "Ты поскальзываешься".

"... да", - признал он с неглубоким кивком. "Я чувствовал это. Но это не то скольжение, о котором ты думаешь".

"Это не так?"

"... Я умираю, Аша", - сказал он. "Не от ран, не в истинном смысле смерти. Как человек", - он посмотрел на нее. "Я чувствую, как все это... ускользает".

"Странно, что это заняло у тебя столько времени", - сказала она. "Сколько тебе лет, Сайлас? Несколько веков, по крайней мере, на данный момент, нет?"

"Что-то вроде этого".

"Нам не суждено прожить так долго", - ответила она. "С тех пор, как я встретила тебя, и с тех пор, как шепот напомнил о том, что пережила моя прошлая сущность... я начала чувствовать

то же самое. И если это влияет на меня, которая восстанавливает свои воспоминания из вторых рук, я могу только представить, какое влияние это оказывает на тебя".

"... нет, это немного другое", - сказал Сайлас. "Я... я почти перестал заботиться. Нет, я перестал. Я пытаюсь обмануть себя, думая, что это не так... но зеркала - шлюхи, оказывается".

"Какой причудливый способ сказать это", - закатила она глаза. "Я уже читала книги".

"Ого, ты умеешь читать?"

"Тише", - она легонько шлепнула его. "Она называлась "Оптика Вечности". Довольно сухое и скучное чтение, в основном хамоватый мужчина излагает бессмысленные мысли на протяжении нескольких страниц. Но кое-что привлекло мое внимание".

"..."

"Ближе к концу есть несколько строк, которые мне очень понравились, даже больше, чем в перспективе", - добавила она, когда они остановились возле мертвой ивы. "Когда человеку двадцать лет, мир огромен; когда ему сорок, мир уменьшается; когда ему шестьдесят, мир сжимается. Лишь немногие, кто доживает до восьмидесяти, понимают, что весь мир - это они сами, и еще меньше тех, кто доживает до ста... понимают, что мира нет. Все, что они знали, умерло и исчезло, и они скоро последуют за ним. Люди не созданы для вечности, как козы не созданы для верховой езды. "

"... ты все это запомнила? Я горжусь."

"Ты действительно напрашиваешься на избиение", - закатила она глаза. "Он прав, понимаешь? Чем больше мы живем, тем меньше нас это волнует, потому что мы понимаем одну простую вещь: все проходит. Хорошее, плохое, ужасное. Все страдания и радости... все временно. В этом и заключается красота жизни. Мы получаем ветры и потоки воды один или два раза, а потом уходим. Уходим, пока жизнь не превратила нас в... ну, в тебя".

"Боже, спасибо".

"Именно так я понимаю богов, Сайлас", - добавила она. "Это не значит, что они бессердечны. Не в том, что они ненавидят и презирают нас, независимо от учений и историй. Дело в том, что они так, так, так стары... что ничто уже не имеет значения. Зачем отвечать на молитвы девушки, которая потеряла все... когда миллионы других девушек молились точно так же на протяжении тысяч лет? Но они все равно молятся. Отвечают на молитвы, я имею в виду. Они ответили на мою".

"... слишком стар, чтобы заботиться, и слишком молод, чтобы придумывать заботу", - усмехнулся он.

"Что? Ты хочешь сказать, что если бы ты был Богом и я молила тебя помочь мне, ты бы просто отвернулся?" - поддразнила она с улыбкой. "Как жестоко с твоей стороны. Кроме того, тебе не все равно, Сайлас. Конечно, тебе не все равно. Я вижу это в твоих глазах, каждый раз, когда мы находимся в этом замке. Жизнь еще не победила тебя".

"Ты всегда так верила в меня", - сказал он, когда они продолжили прогулку. "До сих пор не могу понять ее глубины".

"Оно проникает глубоко".

"О, правда? Глубины глубоки? Кто бы мог подумать?"

"Ты веришь в меня на равных", - мягко сказала она. "Я просто отплатила за услугу".

"... Аша, я не знаю, как это сказать..."

"О, заткнись", - закатила она глаза, когда он с трудом сдержал улыбку. "Бывают времена, когда ты можешь тыкать и прощупывать меня сколько угодно своими смешными шуточками, но бывают времена, когда ты замолкаешь. Для такого старого человека, можно подумать, что ты уже постиг основы романтики".

"Я никогда не был хорошим романтиком", - шутил он. "Женские сердца ускользали от меня".

"Мелкое оправдание".

"Нет, это правда", - они разбили лагерь на последних двух милях перед тем, как север раскололся на другой, пустынный мир. "Как старый дуб, я должен знать. В жизни я узнал, что мужчины и женщины любят по-разному".

"..." она замолчала, когда он внезапно остановился, лаская ее щеки. "Женщины любят словами, они любят лаской, подтверждением и симфонией песен, которые поют их сердца".

"А у мужчин нет?"

"Некоторые иногда делают это", - ответил он. "Большинство, однако, нет".

"Как же вы любите? Мужчины, я имею в виду".

"Точно так же, как женщина может заставить мужчину почувствовать себя рыцарем в сияющих доспехах, когда он просто толстый сиделец на диване", - сказал Сайлас. "Мужчина может заставить женщину почувствовать себя принцессой королевства, когда она таковой не является. Громкий шум в ночи, тяжелый лай или вой, и грохочущее небо. Мы будем стоять перед всем этим".

"... на свой страх и риск?" - мягко спросила она.

"Тебе нужно отдохнуть", - сказал он.

"А ты?"

"Ну, иногда, видишь ли, мужчины не ждут крушения небес", - усмехнулся он. "Мы сами выбираем, как их разбить".

"Будь осторожен", - предупредила она, нежно целуя его руку.

"Странно говорить бессмертному".

"Я не говорю это бессмертному", - добавила она, глядя на него со слабой улыбкой.

"Увидимся", - сказал он, наклонившись вперед и поцеловав ее в лоб.

"Нет, если я увижу тебя первым", - ее хватка задержалась на его пальцах еще на секунду, прежде чем она отпустила их, ее взгляд застыл в печали и желании. Он не обернулся и помчался прочь, когда снег начал таять. Как будто наступила весна, крошечные пятна зелени вырастали из почвы с невозможной скоростью, след в след за его исчезающей фигурой.

"Он приказывает смерти, дорогая лань", - раздался голос в тишине, которая была миром, заставив Ашу посмотреть в сторону. "Время пришло".

"..." наступило мгновенное молчание, прежде чем лес омыла вспышка белого света.

"Не плачь, дорогая лань", - голос трещал, как далекий гром, охваченный печалью. "Всему приходит конец. "

"Я не закончу", - ответил белый свет. "Он желает умереть. Он никогда не последует за мной. "

"Ты никогда не спрашивала. "

"Мне не нужно спрашивать".

"Тебе нужно только попросить", - сказал ворон, когда белый свет трансформировался, оставив белоснежную лань, стоящую на пятачке грязи. Ворон осторожно подлетел и приземлился на голову лани. "Пора мне уходить..."

"Я проведу ритуал заново, должно быть, я допустила ошибку..."

"Не было никакой ошибки, Аша. Наша мать говорила нам: один - навсегда, а другой - пока. Я держалась до последнего цикла ради тебя. Но теперь... ты нашла кого-то. "

"Он... он..."

"Все хорошо. Я знаю, что всегда буду жить в твоём сердце. И это нормально, что кто-то другой будет жить там, Аша. В конце концов, твоё сердце - это простор, не знающий конца. Спроси его. "

"... скоро. "

"Очень хорошо. Скоро будет." Наступила тишина... и затем не было ничего... ничего, кроме единственного, падающего, черного пера, которое растаяло, коснувшись земли, как будто его и не было. Как и его созерцатель.

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2432476>